

О русскомъ театрѣ въ Варшавѣ.

Можно и должно уважать чужую народность, ея культуру и языкъ; необходимо знать и уважать то, что она вноситъ въ общечеловѣческую сокровищницу знаній, идей и образовъ, но ни одинъ сознательно живущій чело-вѣкъ не откажется отъ потребности слѣдить за развитіемъ *родной* жизни, не захочетъ и не сможетъ заглушить особенную привязанность къ родному языку, литературѣ, искусству. Эта привязанность принимаетъ рѣзкія формы, враждебныя по отношенію къ другимъ народностямъ, лишь въ періоды національнаго раздраженія, чѣмъ бы оно ни было вызвано: успѣхомъ или неудачами, но при нормальномъ теченіи жизни она, сохраняя доброжелательное отношеніе ко всѣмъ, придаетъ преимущественную теплоту идеямъ и чувствамъ, связаннымъ *со своимъ*. Мы можемъ хорошо себя чувствовать и въ гостяхъ, но даже домъ друга и свой — разные вещи; ни съ чѣмъ у насъ въ нормальныхъ условіяхъ жизни не связано столько воспоминаній, пріятныхъ или грустныхъ, какъ со своей семьей, со своимъ домомъ, нигдѣ намъ такъ не дорога каждая мелочь, какъ въ родной семьѣ. То же можно сказать и о національномъ чувствѣ: любовь къ родинѣ, къ своему языку, литературѣ, искусству — это такія чувства, на которыхъ воспитываются самые стойкіе принципы, самая гуманная начала уваженія къ своей и чужимъ народностямъ.

Русскій народъ въ этомъ отношеніи стоитъ высоко; стоитъ прочесть любое правдивое описание душевнаго склада русскаго простолюдина, чтобы понять, какъ въ общемъ онъ доброжелательно относится къ представителю какой бы то ни было народности. Я укажу на справедливыя наблюденія писателя, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ тенденціозномъ освѣщеніи русскаго крестьянина. Это — г. Мельшинъ, авторъ книги „Въ мірѣ отверженныхъ“. Интеллигентное русское общество въ своемъ уваженіи къ чужимъ народностямъ, какъ извѣстно, доходитъ до крайностей и нерѣдко въ ущербъ себѣ готово преклоняться передъ совершаемыми ими успѣхами. Но за границей тѣ же русскіе люди чувствуютъ себя особенно русски-

ми и убѣждаются, что при полной терпимости можетъ жить въ душѣ чело-вѣка высоко развитое національное чувство.

Если вамъ случится, будучи въ Прагѣ, зайти въ чешскій театръ, вы увидите, какъ выражается національное чувство тамъ, гдѣ нѣтъ национальной терпимости. Въ столицѣ Чехіи, гдѣ кипитъ такая ожесточенная борьба нѣмецкой и славянскій народностей, ни одинъ офицеръ (*eo ipso* — и нѣмецъ, какъ это ни странно съ русской точки зрѣнія) не пойдетъ въ народный чешскій театръ, а потому тамъ искони существуетъ театръ нѣмецкій. Совсѣмъ другое дѣло у насъ: въ любомъ изъ варшавскихъ театровъ вы увидите не мало русскихъ. Можно-ли отсюда сдѣлать выводъ, что русскаго театра въ Варшавѣ не нужно? Нисколько. Я думаю, что онъ крайне нуженъ, и вотъ почему.

На улицахъ, въ магазинахъ мы слышимъ польскую рѣчь, которую, хотя и понимаемъ, потому что это языкъ славянскій, какъ и нашъ, но все же чувствуемъ чужимъ намъ. Тотъ же языкъ мы слышимъ и въ театрахъ, но врядъ-ли многіе изъ русскихъ, живущихъ въ Варшавѣ, понимаютъ его настолько, чтобы схватить всѣ оттѣнки живого діалога, уловить всю соль остротъ, игру словъ, тонкость игры. Не испытываютъ ли эти русскіе впечатлѣніе раздробленное, не уходятъ-ли они изъ театра разочарованные и утомленные, какъ послѣ мудренаго урока, вмѣсто того, чтобы освѣжиться и укрѣпиться художественными впечатлѣніями. Не говорю уже о томъ, что воспитательнаго и развивающаго значенія театръ при такомъ условіи, конечно, имѣть не можетъ. Думаю, что и при полномъ пониманіи польской рѣчи польскій драматическій театръ не можетъ замѣнить для насъ русскаго, потому что польская жизнь имѣетъ свой строй, намъ чуждый, польская литература преслѣдуетъ свои задачи, свои идеалы, и какъ бы мы ихъ ни уважали, въ театрѣ мы все-таки останемся лишь *зрителями*, и не переживемъ того подъема духа, который созда-етъ великую, обѣ стороны поднимающую, связь внутренняго пониманія между сценой и публикой. А испытывать эти настроенія, переживать этотъ подъемъ въ высшей степени важно для всякаго чело-вѣка, а особенно нужно молодежи, которая еще должна накопить запасъ „высокихъ“ чувствъ, и неинтеллигентнымъ классамъ общества, которые въ силу условій своего труда, по большей части однообразнаго и механическаго, слишкомъ сильно прикованы къ „землѣ“.

Кто изъ насъ не переживалъ въ молодости театральныхъ увлеченій, не простаивалъ по часамъ у театральной кассы, чтобы гдѣ-нибудь съ галлерки вызывать потомъ по десяти разъ Савину или Ермолу, и для кого эти воспоминанія не остались и на послѣдующее время чѣмъ-то особенно дорогимъ, трогательнымъ и милымъ. И какъ не пожалѣть, что наша русская молодежь совершенно лишена здѣсь этихъ чистыхъ и освѣжающихъ впечатлѣній, что нѣтъ у нея и школы живого русскаго литературнаго языка, какой всегда являлся театръ въ Россіи.

Еще болѣе, пожалуй, нуждаются въ русскомъ театрѣ такіе классы общества, какъ мелкіе служащіе правительственныхъ учреждений, приказчики русскихъ магазиновъ, рабочіе и солдаты по-интеллигентнѣе. Если послѣдніе, держась компактной массой, еще не такъ нуждаются въ воздѣйствіи *русской* образованности при помощи театра, то для остальныхъ оно очень важно, потому что они являются несплоченными единицами въ массѣ населенія, чуждаго имъ по языку и культурѣ. Развѣ имъ не нужно поддерживать связь съ роднымъ, чувствовать себя хоть гдѣ-нибудь среди своихъ, видѣть знакомую родную жизнь, слышать образцовую русскую рѣчь? И какъ же не прійти имъ на помощь и не дать имъ этого въ той благородной формѣ, какую представляетъ хорошій театръ съ роднымъ языкомъ? Стоя внѣ всякой національной нетерпимости, театръ можетъ тѣмъ не менѣе удивительнымъ образомъ поддерживать въ чело-вѣкѣ національное чувство, и болѣе образованные, болѣе сознательные классы общества обязаны поддерживать его среди тѣхъ, въ комъ условія жизни его вытѣсняють.

Наконецъ, Варшава центръ губерній, гдѣ русскіе расположены въ городахъ, городкахъ и селеніяхъ небольшими островками. Въ Варшаву постоянно пріѣзжаютъ офицеры и чиновники изъ губерній этого края. Какъ они нуждаются, я думаю, въ русскомъ театрѣ, гдѣ могли бы отдохнуть отъ впечатлѣній одинокой жизни среди чуждаго по языку и народности населенія.

Я говорилъ о нравственномъ значеніи русскаго театра въ Варшавѣ. Что же касается вопросовъ о томъ: какъ организовать это дѣло, на какихъ условіяхъ можетъ оно существовать, нуждается-ли оно въ правительственной субсидіи, въ какомъ размѣрѣ необходимо отпускать эту субсидію, сколько спектаклей можно давать въ теченіе года и т. п. то, насколько мнѣ извѣстно, эти вопросы были уже предметомъ особыхъ изслѣдованій и возвращаться къ нимъ не приходится.

Проф. А. Погодинъ.